

ОРЕНБУРГСКИЕ И УРАЛЬСКИЕ КАЛМЫКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ АККУЛЬТУРАЦИИ К СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Рассматривается влияние имперской политики аккультурации и сменившей ее советской национальной политики на судьбы оренбургских и уральских калмыков. Первая из них способствовала восприятию калмыками казачьего уклада. Вторая, основываясь на праве самоопределения наций, обеспечила условия для воссоединения разрозненных групп калмыцкого населения в Автономной области калмыцкого трудового народа. На основе ранее не публиковавшихся источников описываются организация переселения южно-уральских калмыков в Автономную область и связанные с ней трудности.

Ключевые слова: автономная область; аккультурация; Гражданская война; казачество; калмыки; политика.

Выстраивание правовых механизмов с учетом экономической ориентированности, исторических, конфессиональных, социальных и культурно-бытовых особенностей многочисленных народов и этнических групп было и будет приоритетным направлением политики Российского государства. В этой связи представляется неуместной и даже опасной огульная дискредитация имперской, а затем и советской национальной политики. На самом деле политика российских властей носила гибкий, вариативный, часто ситуативный характер. Даже в рамках одного региона с разнородным этническим и конфессиональным составом могли применяться различные стратегии выстраивания отношений. Одним из таких вариантов является политика имперского правительства, проводившаяся в отношении калмыков соседних Оренбургского и Уральско-го казачьих войск, переселенных после установления советской власти в Калмыцкую автономную область.

В исторической литературе, посвященной истории калмыцкого народа в позднеимперский период, оренбургские и уральские калмыки упоминаются фрагментарно, а их переселение и обустройство в Калмыцкой области остается не изученным до настоящего времени. В этой связи основой для данной статьи послужили архивные, главным образом не публиковавшиеся ранее источники. Хронология содержащегося в них материала логично совпадает с их архивной принадлежностью. Архивные документы, охватывающие дореволюционный период, представлены в Государственном архиве Оренбургской области. Вопросы согласования и организации переезда южно-уральских калмыков в Калмыцкую область на правительственном уровне отложились в материалах фондов Государственного архива Российской Федерации. Сложности, связанные с размещением и адаптацией переселенцев в Калмыцкой автономии, были изучены в процессе работы в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили выявить черты сходства и различия у оренбургских и уральских калмыков в хозяйственно-бытовой области, конфессиональной принадлежности и уровне грамотности, а также обозначить принципиальную

разницу в подходах к решению «калмыцкого» вопроса в царской и Советской России.

С установлением советской власти в России калмыки, как и многие народы России, обрели элементы национальной государственности в форме автономии. Получение калмыками государственно-автономного статуса уже на заре советской историографии единодушно было признано величайшим достижением социалистической революции. С тех же позиций рассматривается ее роль в судьбе калмыцкого народа и в настоящее время, с тем лишь уточнением, что данные летом 1919 г. правительством В.И. Ленина обещания о создании экономических и политических основ калмыцкой государственности были продиктованы намерением вовлечь калмыцкое население в борьбу за советскую власть. Это было очень важно, так как немало калмыков оказалось в белоказачьих формированиях войск А.И. Деникина [1. С. 12].

Реализация права калмыков на национальное самоопределение началась вскоре после завершения Гражданской войны на юге России. В июле 1920 г. в Калмыцкой степи, в поселке Чалгар, состоялся I Общекалмыцкий съезд Советов. В его работе приняли участие делегаты, представлявшие калмыков из всех губерний России: астраханских, ставропольских, донских, кумских, терских, уральских и киргизских. Важнейшим итогом работы Съезда стало принятие «Декларации прав трудового калмыцкого народа», в которой провозглашалось создание Калмыцкой автономной области в составе РСФСР [2. С. 65]. Предусмотренный «Декларацией» проект калмыцкой автономии 25 ноября 1920 г. был утвержден Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О границах Калмыцкой автономной области» [1. С. 16].

Перед молодой автономией стояла непростая задача переселения калмыков, проживавших за пределами ее территории. Лихолетье Гражданской войны, с особым ожесточением прокатившееся по южным и казачьим районам страны, разорительно сказалось на экономическом положении местного калмыцкого населения, а голод 1921–1922 гг. и вовсе заставил говорить о его физическом выживании. Вопрос о переселении донских, оренбургских и терских калмыков обсуждался на созванном в августе 1921 г. II Общекалмыцком съезде Советов. Для калмыков-переселен-

цев из казачьих регионов местом нового жительства был определен Большедербетовский улус, территория которого до 1920 г. входила в состав Ставропольской губернии. Благоприятный климат и наличие пахотных земель в этом улусе наилучшим образом соответствовали хозяйственному укладу оседлого населения [3. С. 124].

Руководители советской Калмыкии начала 1920-х гг. не вполне правильно понимали социальный статус прибывающих к ним переселенцев из Оренбургского края. В докладной записке председателя Уездного исполнительного комитета Большедербетовского улуса Х. Камукова отмечалось, что «оренбургские и кумские калмыки были в старое время батраками оренбургских и терских казаков» [4. Л. 25 об.]. Безусловно, факты найма малообеспеченных оренбургских калмыков-казаков в работники к своим состоятельным соседям имели место, но они не носили массовый характер. По мнению Х. Камукова, переезд калмыков в Автономную область символизировал их освобождение от национального гнета и приобщение к новому советскому общественному и хозяйственному укладу в единении со всем калмыцким народом. В этой связи представляется целесообразным рассматривать переезд оренбургских и уральских калмыков в Калмыцкую автономную область как переход от имперской политики аккультурации к советской национальной политике. При этом под политикой аккультурации понимаются мероприятия, инициированные или поддерживаемые государством в целях изменения социального, экономического, культурного укладов этнической группы, не приводящих к потере этнической идентичности. Проблема форм и методов имперской политики аккультурации уже давно дискутируется в современной историографии и успешно решается в процессе изучения взаимодействия отдельных этнических и профессиональных групп с органами государственной власти [5–7].

Оренбургские и уральские калмыки, состоявшие казаками соседних казачьих войск, имели одинаковый социальный статус и схожий хозяйственный уклад, однако не имели между собой регулярных контактов и адаптировались к условиям казачьей жизни тоже по-разному [8. Р. 1198–1202].

Оренбургские калмыки являлись потомками ставропольских крещеных калмыков, которые после упразднения Ставропольского калмыцкого войска, по высочайшему повелению Николая I от 24 мая 1842 г., были присоединены к оренбургскому казачеству [9]. В 1843–1844 гг. калмыки, наряду с представителями других сословий и этнических групп, причисленных к казакам, переселились в Новолинейный район, растянувшийся полосой вдоль восточных и северо-восточных границ Оренбургской губернии. В Новолинейном районе их распределили по 32 поселкам совместно с русскими казаками, причем неукоснительно выполнялось требование численного преобладания последних. О недопустимости предоставления каких-либо особых привилегий калмыкам предупреждал оренбург-

ский генерал-губернатор В.А. Перовский: «При переселении калмыков в состав Оренбургского казачьего войска, с переводом их из Ставрополя на вновь прирезанные земли, имелось в виду уничтожение самобытности ставропольских калмыков и постепенное их слияние с оренбургскими казаками». Продолжавшийся до начала XX в. адаптационный период катастрофически сказался на численности калмыцкого населения. За семьдесят лет оно сократилось на две трети – с 3 336 человек в 1844 г. (100%) до 1 204 в 1897 г. (36,07%) [10. С. 75] и до 978 в 1915 г. (29,32%) [11. Л. 7].

Столь разительная отрицательная динамика давала повод к постановке вопроса о вымирании оренбургских калмыков и выявлении сопутствовавших тому обстоятельств. По утверждению автора этнографического очерка о национальном составе Оренбургского казачьего войска А. Алекторов, резкий переход от привычного полукочевого образа жизни к оседлости и принудительному земледелию предопределил высокий процент смертности среди представителей трудоспособных возрастов [12. С. 135–137]. В 1921 г. П.И. Жемчужев, добивавшийся содействия Советского правительства переезду оренбургских калмыков в Калмыцкую область, бедственное положение своих доверителей объяснял стремлением царизма разобщить калмыков. «Такое быстрое уменьшение получилось ввиду того, что царское правительство в целях укрепления в них (калмыках. – С.Д., С.Л.) православной веры и уничтожения национальности, разогнало их по всей губернии по 5 и 6 семейств в русские поселки. Такая рассеянность отразилась очень тяжело. Пришли в крайнюю бедность, близкую к уничтожению» [13. Л. 27].

Вызванное чередой неурожайных лет некачественное питание, стесненные бытовые условия казачьих изб и изменения в трудовой деятельности влияли на сокращение рождаемости. Демографическую ситуацию также усугубляло преобладание у оренбургских калмыков мужского населения. Согласно переписи 1897 г. на 100 мужчин приходилось в среднем 86,2 женщин. Последствия отмеченной диспропорции, по мнению известного российского монголоведа, профессора Петербургского университета А.М. Позднеева, проявлялись в постоянном кровосмешении и ранних браках, что, в свою очередь, негативно сказывалось на физическом и психическом здоровье новых поколений.

Однако все суждения о русификации и вымирании калмыков оказались преждевременными. Вопреки всем невзгодам, оренбургские калмыки сумели сохранить свою этническую идентичность. Духовным связующим ядром для них стала тщательно скрывавшаяся от властей и русских соседей приверженность к ламаизму (тибетскому буддизму). Ламаистские общины формировались вокруг буддистских священников – гелюнгов и гецулей, со временем ставших средоточием не только духовного (религиозно-нравственного), но и общественного лидерства. Их авторитет строился на сакральной вере рядовых калмыков, не посвященных в таинства культа, в сверхъ-

естественные силы своих духовных наставников. К ним обращались с просьбами об отправлении ритуальных обрядов, шли за советом, медицинской помощью, отдавали им на обучение своих детей.

Закон о веротерпимости, ставший одним из достижений Первой русской революции, обеспечил правовую базу для отхода оренбургских калмыков от православия. Их духовные и общественные лидеры развернули активную деятельность, направленную на признание за ламаистскими общинами статуса религиозных организаций. Проявленные оренбургскими калмыками решимость и упорство в период «заката» Российской империи позволили добиться разрешения на создание четырех ламаистских обществ в казачьих поселках. При этом свидетельство о смене вероисповедания получили 254 калмыка и еще 211 человек Оренбургская духовная консистория причисляла «к склонным к отпадению от православия» – их прошения находились в стадии рассмотрения [14. Л. 22].

Разбросанность по казачьим станицам и поселкам осложняла, но не препятствовала поддержанию устойчивых связей между оренбургскими калмыками. Они крайне редко вступали в межэтнические связи, сохраняли язык, обычаи и другие атрибуты народной культуры. В то же время свойственная оренбургским калмыкам религиозно-бытовая замкнутость не являлась помехой к их интеграции в казачье сообщество. Общинный и хозяйственный уклад казачьей жизни воспринимался детьми и внуками калмыцких переселенцев так же естественно, как и русскими казаками. Уже в 1890 г. в периодической печати прозвучало мнение о том, что «молодежь привыкла к сельскому хозяйству и можно думать, что современные калмыки справятся с нуждой» [15].

Весомым достижением имперской политики аккультурации, наряду с приобщением оренбургских калмыков к земледелию и оседлости, стал заметный рост грамотности, достигавшийся посредством обучения калмыцких детей в казачьих школах. Согласно «Переписи» 1897 г. четвертая часть калмыков, проживавших в Оренбургской губернии, – 239 лиц мужского пола и 39 женского – умели читать и писать по-русски. Причем примерно 92% из них, являясь представителями поколений в возрасте до пятидесяти лет, освоили грамоту уже после переселения на Южный Урал [10. С. 75]. Для сравнения: по подсчетам ведущего специалиста по истории калмыцкого народа К.Н. Максимова, к началу XX в. неграмотность среди калмыков достигала 91,7%. Особенно удручающей была ситуация с образованием у женщин. Из 87 349 калмычек писать, читать и расписываться могли 475 человек (0,54%) [16. С. 15].

В отличие от оренбургских калмыков, калмыки-казаки Уральского войска не подвергались принудительным переселениям [17]. Их присоединение к яицким казакам в XVII и первой половине XVIII в. стало результатом длительного межэтнического взаимодействия – чередовавшихся периодов вражды и «замирения» [15. С. 406]. Рост численности калмыцкого населения Уральского казачьего войска

продолжался до 60-х гг. XIX в. и к 1865 г. достиг 1 280 человек. В 1870–1880 гг. наблюдалась обратная динамика: рост сменился спадом, причины которого не нашли отражения в документах и свидетельствах современников. В 1885 г. в Уральском войске состояло всего 934 казака-калмыка, что на 17,1% меньше предыдущего показателя. В начале XX в. демографическая ситуация у уральских калмыков стабилизировалась и даже, пусть незначительно, но улучшилась – в 1909 г., согласно ведомости о вероисповедальном распределении казаков, их численность достигла 948 человек [18. С. 103].

В материалах погодных войсковых отчетов и других документах отложились сведения о происходивших изменениях в хозяйственном укладе, общественной нравственности и в целом социализации уральских калмыков. В справке «по учету язычников» за 1866 г. отмечалось, что «промыслы и занятия у язычников (к язычникам калмыков причисляли по вероисповедальному признаку. – С.Д., С.Л.) такие же, что и вообще у казаков. Как и казаки, занимаются скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, служат на внешней и внутренней службе» [19. Л. 11–12]. В Уральском войске о калмыках сложилось мнение как о казаках законопослушных, исполнительных и верных воинскому долгу.

Профессор А.М. Позднеев, посетивший территорию Уральского войска в 1911 г. с целью изучения религиозного быта местных калмыков, пришел к заключению, что «двойкий способ приобретения средств к жизни (скотоводство и земледелие. – С.Д., С.Л.) делает их если не богаче, то, во всяком случае, в смысле жизненного обеспечения, гораздо более устойчивыми, чем даже русских казаков» [20. Л. 38 об.].

Ученый не ставил задачу исследования хозяйственной жизни уральских калмыков. Однако он был единственным исследователем, заносившим в путевые заметки сведения о поголовье скота и количестве засеваемых десятин, приходившихся на отдельные калмыцкие семьи. Из приведенных им данных можно заключить, что к зажиточным относились семьи, имевшие от нескольких сот до тысячи и более голов лошадей и крупного рогатого скота. К таким, к примеру, относился самый богатый житель Пятиморского поселка Аюшиев, во владении которого находилось до 1 тыс. лошадей, до 2 тыс. голов рогатого скота, до 600 верблюдов и до 5 тыс. овец [Там же. Л. 39]. К числу «обычных, достаточных людей» А.М. Позднеев отнес трех братьев Шукуровых из Кызыл-Убинского поселка. В их хозяйстве на 1 января 1911 г. состояло 12 кобылиц с 3 жеребятами, 53 головы рогатого скота с 21 головой весеннего приплода, 5 верблюдов, 241 овца с 200 голов приплода и 10 коз. Кроме того, семья Шукуровых ежегодно засекала хлебом 10–11 десятин земли [Там же. Л. 39 об.].

Пятиморский и Кызыл-Убинский поселки относились ко 2-му отделу, в котором и проживала большая часть калмыцкого населения Уральского войска. В 1-м отделе А.М. Позднеев насчитал всего 11 калмыцких домов: 2 в станице Рубеженской и 9 в поселке Требушинском. Большинство здешних калмыков ис-

следователь причислил «к трудящемуся классу, не отличающемуся зажиточностью». В их хозяйствах насчитывалось по 2–3 лошади, от 2–10 до нескольких десятков голов рогатого скота. Почти все занимались земледелием. Самые богатые из них (братья Тултины, Мезановы) засеивали до 30 десятин. Некоторые, как правило, холостые домохозяева, нанимались в работники к русским соседям [Там же. Л. 34–35 об.].

Уральские калмыки исповедовали буддизм (ламаизм). Их никогда не принуждали к смене вероисповедания. В справке «по учету язычников» отмечалось, что калмыки крайне редко переходят в христианство. Никаких особых мер миссионерского воздействия, кроме уговоров со стороны местного православного духовенства, к ним не применялось. Пассивность приходских священников объяснялась незнанием калмыцкого языка и отсутствием специальной подготовки [19. Л. 12]. На штатные должности ламаистских священнослужителей – гецулей и гелюнгов – могли претендовать отставные казаки-калмыки, имевшие необходимое духовное образование и прошедшие обряд посвящения. Они избирались членами приходского общества, а затем утверждались Уральским областным правлением. Важным отличием местного буддистского клира являлось сохранение его членами светского образа жизни, семейного и хозяйственного уклада, присущего уральским казакам [21. С. 31]. Как и у всех буддистов, относящихся к школе гелуг, духовные лица пользовались у уральских калмыков непререкаемым авторитетом. В то же время отсутствие единой религиозной организации вело к обособлению буддистских общин и разобщенности уральских калмыков. Для большинства верующих религиозная жизнь ограничивалась посещением приходского молитвенного дома и общением с его настоятелем.

Уральские калмыки существенно отставали от оренбуржцев по уровню грамотности. По данным Переписи 1897 г., из 960 казаков-буддистов (учет велся по вероисповедальному признаку) навыками чтения и письма владели 218 человек. И если среди мужчин процент грамотных был относительно высоким – 212 из 505 (41,9%), то в женской части калмыцкого населения наблюдалась почти полная неграмотность – из 455 женщин в графе «грамотные» было указано только 6 человек [22. С. 53].

Об уровне интегрированности уральских калмыков в казачье сообщество свидетельствует практика их назначения на командные должности. В «Отчете» А.М. Позднеева упоминается войсковой полковник, член Войскового правления, имевший калмыцкое происхождение и исповедовавший буддизм [20. Л. 60]. На должность атамана, приписанного ко 2-му войсковому отделу, Кысык-Камышенского поселка, жителями которого были калмыки, традиционно назначался урядник калмыцкого происхождения.

Сложившийся у оренбургских и уральских калмыков казачий хозяйственный и общественный уклад, с привнесенными в него этническими и религиозными особенностями, был фактически разрушен в период Гражданской войны. Наряду с невзгодами, выпавшими на долю всего казачества Южного Урала, положение

калмыков усугублялось дополнительными трудностями.

После Февральской революции 1917 г. среди оренбургских калмыков заметно активизировались сторонники национальной консолидации. Гарантированные Временным правительством гражданские права и свободы, с одной стороны, и формирование в Оренбургском войске обособленных от центральной власти управленческих структур – с другой, создали условия для выдвижения требования о территориальном обособлении казаков-калмыков и выделения им участка под строительство национального поселка. В ходатайстве, поданном 19 июня 1917 г. в Оренбургскую войсковую казачью управу уполномоченным представителем оренбургских калмыков П.И. Жемчуевым, необходимость территориально-административного обособления калмыков буддистского исповедания объяснялась бытовыми затруднениями, связанными с общением между родственниками, вступлением в брак и оказанием материальной помощи нуждающимся соплеменникам. В поселке предполагалось строительство буддийского храма со штатным духовенством и открытие при нем духовной школы «для просвещения подрастающего поколения» [23. Л. 1–1 об.].

Постановление о разрешении калмыкам 2-го и 3-го округов переселиться на отведенный им участок в районе Михайловской станицы было принято Войсковым правительством 31 июля 1918 г. К этому времени с каждого переселенца, достигшего 20-летнего возраста, было взято удостоверенное согласие на переселение. В перечень обязательных документов также включались увольнительные приговоры от станичных обществ. Практическому воплощению постановления Войскового правительства помешали события Гражданской войны. Калмыки, поверившие «принципиальным» обещаниям, еще летом 1917 г. стали продавать свои дома. Когда же дело дошло до переселения, то выяснилось, что на выделенной им земле продолжают хозяйничать арендаторы, прекратившие вносить арендные платежи и подчиняться казачьей власти. Полную отчаяния телеграмму в связи с этим 22 апреля 1919 г. направил П.И. Жемчуев: «Доверители мои просят хуторян выдворить. Дать возможность произвести посев хлеба на отведенном им участке весной сего года... Хуторяне же с 1917 г. и по настоящее время не допускают к заселению и угрожают убийством. Без помощи Войскового правительства переселиться невозможно. Прошу положить конец нашим мучениям» [Там же. Л. 99]. Заботы казачьего правительства в этот период были полностью переключены на войну с советской властью, а потому калмыкам, «ввиду остроты переживаемого момента», посоветовали переждать с переселением. В условиях Гражданской войны и последовавшего за ней голодомора о восполнении понесенных оренбургскими калмыками затрат не могло быть и речи.

Численность уральских калмыков за период Гражданской войны и первые послевоенные годы сократилось по разным подсчетам в 4–5 раз. Вину за их гибель советские руководители возлагали на белогвардейцев.

Председатель Уездного исполкома Большедербетовского улуса Х. Камуков определял уральских калмыков как остатки от вырезанных белыми дутовцами [4. Л. 25 об.]. Однако уполномоченный ЦИК по переселению уральских калмыков в Калмыцкую автономную область Л. Карвин обращал внимание на нищету и голодное существование местных калмыков, а сами калмыки жаловались на национальное угнетение со стороны казахов (киргизов). О том, насколько кардинально ухудшилось положение калмыцкого населения по сравнению с дореволюционным периодом, свидетельствуют данные по поселку Требушинскому, переименованному в село Требуха. В 1911 г. здесь имелось 9 калмыцких дворов, в которых проживали 30 человек – 17 мужчин и 13 женщин. Почти каждый двор, как уже говорилось, имел посеы, лошадей и рогатый скот [20. Л. 36–36 об.]. В 1924 г. Л. Карвин застал в селе Требуха всего 17 калмыков. Сокращение затронуло исключительно мужское население. Теперь без учета возраста на 13 женщин приходилось лишь 4 мужчины. Материальное положение этой группы калмыков в докладе уполномоченного характеризовалось как «отчаянное»: «Одна семья только и имела 1 дойную корову и 1–2 пуда муки. Она слыла за “богачей”. Остальные жили чуть ли не подаянием» [24. Л. 6].

Калмыки из Кисык-Камышенского и других соседних поселков основной причиной переселения в Калмыцкую область называли притеснения со стороны преобладающей массы казахского населения. Соседи-казахи, осознавая свое превосходство, все время их убеждали: «Какие вы теперь калмыки? Вы теперь киргизы». Калмыки жаловались, что, пользуясь революционным безвластием, казахи их окончательно ограбили, а наиболее зажиточных «лишили жизни». По словам уполномоченного ЦИК Калмыцкой области, «калмыки-уральцы до того были терроризированы киргизами, что об их грабежах и убийствах мне сказали только тогда, когда я их посадил в вагоны и отправлял в Калмообласть. До этого они, боясь киргизов, мне ничего не говорили» [Там же. Л. 7 об.].

Руководителями молодой калмыцкой автономии была развернута масштабная агитация, призывавшая всех калмыков, живущих за пределами Калмыкии, объединиться со своим народом на общей территории. Имперской политике «колониализма и порабощения нерусских народов» противопоставлялась советская национальная политика. Ее основные черты, в частности, были изложены в обращении правительства области к уральским калмыкам. В соответствии с провозглашенным советской властью «Правом наций на определение» в нем декларировались:

- национализация государственных, партийных и национальных учреждений путем ввода в делопроизводство калмыцкого языка;
- развитие родного калмыцкого языка и литературы;
- открытие национальных школ;
- разрешение экономических и хозяйственных вопросов в соответствии с бытовыми и хозяйственными особенностями [25. Л. 22].

Уже в декабре 1920 г., более чем за полгода до принятия Общекалмыцким съездом советов решения об их переселении, оренбургские калмыки развернули

движение за воссоединение с основной массой калмыцкого народа. В январе 1921 г. общий съезд оренбургских калмыков избрал П.И. Жемчуева своим уполномоченным [13. Л. 49]. Через месяц, 26 февраля 1921 г., Жемчуев направил в Комиссариат по делам национальностей прошение, в котором, по поручению своих доверителей, просил содействия в их переселении «к своим национальным братьям» – донским калмыкам. Прошение П.И. Жемчуева было переадресовано руководству Автономной области. 25 мая члены Большедербетовского улусного исполкома поддержали решение правительства Автономии о переселении в их улус оренбургских калмыков.

Однако исполнение этого решения растянулось на несколько лет. В совместном обращении в Главное управление советскими хозяйствами (Главсовхоз) Наркомата земледелия РСФСР председатель Калмыцкого представительства в Москве А.М. Амур-Санан и П.И. Жемчуев заостряли внимание на следующем: «В течение 10 месяцев этот вопрос переходит из одной инстанции в другую. В Н.К. национальностей, в Совете национальностей, в ВЦИКе, везде принципиально решается в утвердительном смысле, но практические соображения – расстройство транспорта, острота сбора продналога в связи с голодом заставляли признать необходимым отложить его до более благоприятного момента». В надежде спастись от голода несколько семей оренбургских калмыков решились на самостоятельный переезд в Калмыцкую область гужевым путем через Орск, Оренбург, Уральск и Астрахань. Обращение в Главколхоз Председателя Калмыцкого представительства при ВЦИК заканчивалось словами: «Если переселения не разрешат, то оренбургские калмыки, ввиду голода, лишатся скота и сельскохозяйственного инвентаря, к весне 1922 г. не будут иметь возможности приготовить посев и гибель их неизбежна» [Там же. Л. 49]. О том, что значительная часть оренбургских калмыков все же переселилась в Автономную область уже в 1921–1922 гг., констатируется в обращении председателя Калмыцкого ЦИК А.Ч. Чапчаева в Наркомат путей сообщения [26. Л. 40].

Активное переселение калмыков из губерний и областей Северного Кавказа и юго-востока России в Калмыцкую область началось весной 1924 г., и уже к осени в Большедербетовском улусе было взято на учет 2 тыс. дворов новых поселенцев. Однако эти сведения не были полными, так как переселенческое движение принимало стихийный характер и, как подчеркивалось в отчетном документе, немалое число переселенцев «самостоятельно приезжают в аймаки и заселяются» без ведома властей [13. Л. 25].

В наиболее трудных условиях весной и летом 1924 г. шло переселение калмыков из переименованной в 1920 г. в губернию Уральской области КАССР. В обращении, озаглавленном «Дорогие братья, уральские калмыки», содержалось обещание: «ЦИК Автообласти Калмыка... как верховный орган Автообласти смеет вас уверить, что к весне вы все, уральские калмыки, будете переселены на территорию Калмыцкой области и окончательно объединены со своими соплеменниками-калмыками в Автообласти под крылышком одного Советского управления. Объединение

это должно произойти не только на словах, но и на деле. Такова сущность самой Советской власти – власти трудящихся» [26; 27. Л. 22–22 об.].

Уполномоченному Калмыцким ЦИК Л. Карвину пришлось решать не только вопросы, связанные с перевозом людей и грузов, но и разбираться с проблемами имущественного и личного характера отдельных переселенцев. Поселки, в которых проживали калмыки, находились на расстоянии от 90 до 160 верст от Уральска и ближайших железнодорожных станций. Уральский губисполком отказался предоставить калмыкам-переселенцам подводы для проезда до пунктов посадки в вагоны. Также было отказано в просьбе Л. Карвина о передаче переселенцам конфискованного у зажиточных калмыков недвижимого имущества [27. Л. 6].

Властного вмешательства потребовало обращение уполномоченного представителя калмыков Кисык-Камышенского поселка Кушаева. В нем говорилось, что казахи, узнав о предстоящем переселении калмыков, отказываются расплачиваться по долговым обязательствам. Казахи, женатые на калмычках, вопреки советским законам, не дают развода своим женам, выразившим желание вместе с родственниками переселиться в Калмыцкую область. По распоряжению губернского и уездного Уральских исполкомов в Кисык-Камыш был командирован начальник уездной милиции Джандаглетов. Ему удалось в одном случае развести калмычку с мужем казахом и добиться полной выплаты всех причитающихся калмыкам долгов [Там же. Л. 7].

Для перевозки уральских калмыков были выделены 6 вагонов. Один вагон с 12 переселенцами из Требушинской станции был отправлен со станции Уральск 12 июня. Еще 122 калмыка из Кисык-Камышевского поселка и других поселков 2-го и 3-го отделов бывшего Уральского войска 14 июня были погружены в 5 вагонов на станции Александров-Гай и отправлены до назначенной для их приема станции Торговой. Опасаясь жары и отсутствия на станциях кормов и пресной воды, калмыки отказались перевозить скот по железной дороге. По их просьбе для перегона скота была выделена группа из 16 человек, вооруженная охотничьими ружьями [Там же. Л. 7–7 об.].

К концу августа 1925 г. в Большедербетовском улусе Калмыцкой автономной области были зарегистрированы 456 оренбургских переселенцев (230 мужчин, 226 женщин) и 149 уральских (68 мужчин и 81 женщина). Оренбургские калмыки поселились на излишних землях Икитуновского аймака, в составе 113 хозяйств они образовали Оренбургский аймак. Уральские калмыки в количестве 45 хозяйств, совместно с переселенцами с Дона, были поселены в Багабуруловском аймаке. Обе группы переселенцев испытывали крайнюю нехватку скота и сельскохозяйственного инвентаря. Согласно статистической сводке к концу лета 1925 г. в хозяйствах оренбургских калмыков имелось 37 лошадей (1 на 12 человек), 70 коров (1 на 6–7 человек), 18 волов, 40 голов молодняка рогатого скота, 2 верблюда, 25 овец и коз (1 на 18 человек); инвентаря: 10 плугов, 4 косилки, 19 борон, 50 телег и 2 сложные сельскохозяйственные машины.

Несколько лучше, с учетом меньшей численности населения, была обеспеченность скотом хозяйств уральских калмыков: 34 лошади (1 на 4–5 человек), 38 коров (1 на 4 человека), 30 голов молодняка рогатого скота, 10 овец и коз (1 на 15 человек). Данные о наличии сельхозинвентаря не приводятся [4. Л. 9, 11]. При всей очевидной бедности, хозяйства оренбургских и уральских калмыков выглядели более обеспеченными по сравнению с основной массой переселенческого населения. В докладной записке председателя Большедербетовского улусного исполкома указывалось, что в его улусе на 13 дворов приходится 1 лошадь, на 6 дворов – 1 бык, на 23 двора – 1 плуг и т.д. [4. Л. 25 об.].

Большинство переселенцев приезжали в Калмыкию совершенно нищими. Спутниками новоселов были голод и отсутствие жилья. 4 января 1924 г. Большедербетовский исполком информировал ЦИК автономной области о том, что переселенцы, не получившие ссуды, ежедневно целыми группами осаждали исполком и требовали выдачи пайков из фондов Последнего голода. Однако для ликвидации голода скудных продовольственных пайков было недостаточно. Для исправления ситуации улусный исполком просил областной ЦИК о выделении ссуды на приобретение 9 600 пудов семенного хлеба и раздаче его всем нуждающимся под посев [26. Л. 36–37].

Весной 1925 г. в Большедербетовском улусе скопилось более 3 тысяч семей переселенцев, не имевших жилья и средств на его постройку. Люди в буквальном смысле жили под открытым небом, не имея возможности укрыться от холода и дождя. Единственной возможностью избавить новоселов от лишений бездомной жизни президиум улусного исполкома усматривал в оказании им государственной помощи в виде отпуска строевого леса в ссудном порядке на льготных условиях. На эти цели предполагалось израсходовать 100 тыс. рублей, которые советское правительство должно было перечислить по ходатайству КалмЦИК. Однако вне зависимости от субсидирования из общесоюзного бюджета, оренбургским и уральским переселенцам летом 1925 г. оказывалась адресная помощь лесоматериалом из скудных местных ресурсов [28. Л. 49, 131 об., 135].

Последние, самые обездоленные группы оренбургских калмыков оставались на Южном Урале до 1927 г. 17 января 1926 г. их представитель А.И. Менкежиргалов выступил с докладом перед общим собранием Оренбургского аймака. Из него следует, что в 11 поселках бывшего Оренбургского войска небольшими группами от одного до 60 человек проживают 208 калмыков. «Все они, как позабытые беспризорные дети, нравственно угнетены, чувствуют полное сиротство и одиночество. Моральная неуравновешенность и подавленность естественно ведет эту маленькую, почти забытую группу к экономической разрухе, бедности, а там и... к вымиранию». Заклучая выступление, А.И. Менкежиргалов просил ЦИК Калмыцкой области организовать переселение его доверителей в Оренбургский аймак не позднее 1 мая 1926 г. [29. Л. 13].

Окончательное решение в отношении все еще остававшихся на Урале оренбургских калмыков было

принято на заседании Президиума ЦИК Автономной области калмыцкого народа 25 марта 1926 г. Калмыцкому представительству при ВЦИК предписывалось возбудить перед наркоматами Земледелия и Путей сообщения ходатайства о выделении для переселенцев 25 вагонов. По прибытии в Калмыцкую область они были подселены к своим землякам в Оренбургское аймачное земельное общество. Последняя группа оренбургских калмыков в количестве 94 человек организовано переселилась в Калмыцкую область в 1927 г. [Там же. Л. 14–15].

Десятилетие, начавшееся революционным 1917 г. и завершившееся переселением южно-уральских калмыков в Калмыцкую автономную область, ознаменовалось катастрофическим демографическим спадом калмыцкого населения оренбургского и уральского казачьих войск, хозяйственной разрухой и ее неизменными спутниками – нищетой и голодом. Гражданская война помешала осуществлению проекта по кон-

солидации оренбургских калмыков путем выделения для них обособленной территории и строительства национального поселка. Уральские калмыки, потерявшие в период Гражданской смуты три четверти своего населения, главным образом мужчин, подвергались национальным притеснениям со стороны соседей-казахов. Образование в низовьях Волги Автономной области калмыцкого трудового народа и переезд на ее территорию оренбургских и уральских калмыков, несмотря на все указанные выше трудности, обеспечили не только их национальное, но и физическое выживание. Сделанный вывод не отрицает положительных перемен в хозяйственном укладе и культуре оренбургских и уральских калмыков, во многом ставших результатом политики аккультурации, осуществлявшейся в имперский период. В лице южно-уральских переселенцев молодая Калмыцкая автономия получила грамотных граждан, привычных к оседлости и земледельческому труду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов К.Н., Мацакова М.И. Конституирование национальной государственности Калмыкии в форме административной автономии // Вестник института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 11–19.
2. Убашев К.В. Начальный этап национально-государственного строительства калмыцкого народа в первые годы советской власти // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2. С. 60–66.
3. Саврушева К.Ц. К вопросу о переселенческой политике в национальных автономиях России 20-х гг. XX в. (на примере Калмыкии) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 123–127.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее НАРК). Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 53.
5. Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 31–3.
6. Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // Bylye Gody. 2017. Vol. 45, is. 3. P. 1010–1024.
7. Джунджужов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // Новый исторический вестник. 2017. № 3. С. 172–191.
8. Dzhundzhuzov S., Lyubichankovskiy S. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity // Bylye Gody. 2017. Vol. 46, is. 4. P. 1194–1206.
9. О присоединении Ставропольского казачьего войска к Оренбургскому казачьему войску // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVII. Ч. 1. № 15677. С. 393–394.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. Оренбург, 1904.
11. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 243.
12. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Оренбург : Типография Евфимовского-Мировицкого, 1877. Вып. 1. 176 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 9. Д. 41.
14. ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171.
15. Оренбургский листок. 1890. № 35.
16. Максимов К.Н. Великая революция 1917 г. в исторической судьбе Калмыкии и ее народа // Великая Российская революция в судьбах народов юга России: материалы всерос. науч. конф. (с междунар. участием), посвящ. 110-летию революции 1917 г. (г. Элиста 13–14 сентября 2017 г.). Элиста, 2017. С. 14–29.
17. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550–1725 гг.). Уральск, 1911.
18. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1910 год. Уральск : Уральская областная типография, 1910.
19. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14058.
20. Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (далее АВ ИВР РАН). Ф. 44. Оп. 1. Д. 60.
21. Джунджужов С.В. Буддийское духовенство у калмыков-казачков Уральского войска в начале XX в.: обучение, посвящение, служение // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 25–33.
22. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. LXXXIV. Уральская область. СПб., 1904.
23. ГАОО. Ф. 37. Оп. 4. Д. 22.
24. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 544.
25. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 399.
26. НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 228.
27. НАРК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 47.
28. НАРК. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 43.
29. НАРК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 130.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2018 г.

Orenburg and Ural Kalmyks Under the Conditions of Transition from the Imperial Politics of Acculturation to the Soviet National Policy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 128–136.

DOI: 10.17223/15617793/439/16

Stepan V. Dzhundzhuzov, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: djund@yandex.ru

Sergey V. Lyubichankovskiy, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: sylvubich@yandex.ru

Keywords: autonomous region; acculturation; Civil War; Cossacks; Kalmyks; politics.

The article examines the influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet national policy that replaced it on the fate of the Orenburg and Urals Kalmyks, who were Cossacks of the Orenburg and Ural Cossack troops. This policy contributed to the Kalmyks' perception of the Cossack way of life, which was manifested in the adaptation to settled life and agriculture. A significant achievement of the imperial policy of acculturation was the growth of literacy, achieved through the training of Kalmyk children in Cossack schools. The level of integration of the Kalmyks of both ethnic groups in the Cossack community was evidenced by the practice of their appointment to command positions. The decade that began in the revolutionary year of 1917 and culminated in the resettlement of the South Urals Kalmyks in the Kalmyk Autonomous Oblast was marked by a catastrophic demographic decline in the Kalmyk population of the Orenburg and Ural Cossack troops, economic devastation and its constant companions – poverty and hunger. The Civil War prevented the implementation of the project to consolidate the Orenburg Kalmyks by allocating a separate territory for them and the construction of a national village. The Urals Kalmyks, who lost three quarters of their population, mostly men, during the period of civil unrest, were subjected to national oppression by their Kazakh neighbors. With the establishment of Soviet power in Russia, the age-old dream of the Kalmyk people for the acquisition of national statehood in the form of autonomy was lost, with the abolition of the Kalmyk Khanate in 1771. Its project was approved on November 25, 1920, by the decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Borders of the Kalmyk Autonomous Oblast". Leaders of the young Kalmyk autonomy conducted large-scale agitation, urging all Kalmyks living outside of Kalmykia to unite with their people on a common territory. The formation of the autonomy in the lower reaches of the Volga for the Kalmyk working people and the relocation of Orenburg and Urals Kalmyks to its territory, in spite of all the difficulties associated with resettlement and adaptation in the new conditions, provided not only their national, but also physical survival. This conclusion does not deny the positive changes in the economic system and culture of Orenburg and Ural Kalmyks, which were largely the result of the policy of acculturation carried out during the imperial period. The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation (Project No. 17-18-01008) in Orenburg State Pedagogical University.

REFERENCES

1. Maksimov, K.N. & Matsakova, M.I. (2016) Institutionalization of the National Statehood of Kalmykia in the Form of Administrative Autonomy. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 11–19. (In Russian). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-25-3-11-19
2. Ubashev, K.V. (2016) The initial phase of establishment of state bodies of the Kalmyk people in the first years of Soviet power. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2. pp. 60–66. (In Russian).
3. Savrusheva, K.Ts. (2004) The Transmigratory Politics in National Autonomies of Russia in the 20th Years of the XX Century (Based at the Example of Kalmykia) Revisited. *Vestnik RUDN. Seriya "Istoriya Rossii" – RUDN Journal of Russian History*. 3. pp. 123–127. (In Russian).
4. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-112. List 1. File 53. (In Russian).
5. Lyubichankovskiy, S.V. (2017) Policy of acculturation in the conditions of destruction of the Empire: incident of a volost' zemstvo. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 50. pp. 31–3. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/50/4
6. Dmitriev, V.V. & Lyubichankovskiy, S.V. (2017) The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. 45 (3). pp. 1010–1024.
7. Dzhundzhuzov, S.V. & Lyubichankovskiy, S.V. (2017) The Missionary Activity of Nicodemus Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725–1734). *Novyy istoricheskiy vestnik – New Historical Bulletin*. 3. pp. 172–191. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00001
8. Dzhundzhuzov, S. & Lyubichankovskiy, S. (2017) Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye Gody*. 46 (4). pp. 1194–1206.
9. Russian Empire. (1842) O prisоединenii Stavropol'skogo kazach'ego voyska k Orenburgskomu kazach'emu voysku [On the accession of the Stavropol Cossack army to the Orenburg Cossack army]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XVII. Pt. 1. No. 15677. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii. pp. 393–394.
10. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii za 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. Vol. XXVIII. St. Petersburg: Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati".
11. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 10. List 2. File 243. (In Russian).
12. Orenburg Province Statistics Committee. (1877) *Materialy po statistike, geografii, istorii i etnografii Orenburgskoy gubernii* [Materials on statistics, geography, history and ethnography of Orenburg Province]. Is. 1. Orenburg: Tipografiya Evfimovskogo-Mirovitskogo.
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-1318. List 9. File 41. (In Russian).
14. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 175. List 1. File 171. (In Russian).
15. *Orenburgskiy listok*. (1890) 35.
16. Maksimov, K.N. (2017) [The Great Revolution of 1917 in the historical fate of Kalmykia and its people]. *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya v sud'bah narodov yuga Rossii* [The Great Russian Revolution in the fate of the peoples of the south of Russia]. Proceedings of the International Conference. Elista. 13–14 September 2017. Elista: Kalmytskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk. pp. 14–29. (In Russian).
17. Karpov, A.B. (1911) *Ural'tsy. Istoriicheskiy ocherk* [Ural people. Historical essay]. Part 1. Uralsk: Voyskovaya Tipografiya.
18. Ural Regional Printing House. (1910) *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Ural'skoy oblasti na 1910 god* [The memorial book and the address-calendar of Ural Oblast in 1910]. Uralsk: Ural'skaya oblastnaya tipografiya.
19. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 6. List 6. File 14058. (In Russian).
20. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (AV IVR RAN). Fund 44. List 1. File 60. (In Russian).
21. Dzhundzhuzov, S.V. (2016) Buddhist Clergy among Ethnic Kalmyk Cossacks of the Ural Cossack Host in the Early 20th Century: Education, Ordination, Service. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences* 2. pp. 25–33. (In Russian).

22. Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati". (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya 1897 goda* [The first general census of the population in 1897]. LXXXIV. St. Petersburg: Tipografiya "T-va Khudozhestvennoy Pechati".
23. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 37. List 4. File 22. (In Russian).
24. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 544. (In Russian).
25. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 399. (In Russian).
26. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-3. List 2. File 228. (In Russian).
27. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-42. List 1. File 47. (In Russian).
28. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-42. List 1. File 43. (In Russian).
29. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). Fund R-112. List 1. File 130. (In Russian).

Received: 18 April 2018